

А.В. СОКОЛОВ,

доктор педагогических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Разбиблиотечивание как панацея

Раздумья интеллигента-книжника

К сожалению, благородная жажда чтения давно уже не томит народные массы. Социологи, изучавшие чтение в России начала 90-х годов (руководитель С.Н. Плотников), разделили население страны на четыре категории: а) читают практически постоянно — около 20%; б) читают две и более книг в месяц — 25%; в) читают одну — две книги за полгода — 35%; г) совсем не читают — более 20%¹. Оказалось, что далеко не все «интеллигентные» россияне — усердные читатели.

Лишь 1/3 людей с высшим образованием читает постоянно, 1/3 читает две и более книг в месяц, остальные обходятся без чтения литературы. Причем среди художественных изданий предпочитается развлекательный жанр — детективы, фантастика, приключения. В итоге исследователи пришли к заключению: **«Основной тенденцией последних лет стала утрата чтением его исключительной роли в российском обществе, его превращение, с одной стороны, в источник получения нужной информации, а с другой — в средство развлечения, как это и происходит в других странах, если вести речь о массовом чтении»** (с. 192).

Данные, опубликованные социологами в 2000-е годы, подтверждают это заключение². Около 20% россиян не читают ни книг, ни журналов, а из оставшихся к услугам общедоступных библиотек обращаются 18%, главным образом — учащиеся, 63% пользуются личными библиотеками знакомых, прочие довольствуются собственными книгами. Для современной молодежи главным коммуникационным каналом давно уже стал Интернет, а красочные изображения мультимедиа успешно конкурируют с типографской продукцией. **Все меньше и меньше книголюбов, проявляющих, как говорят,**

«рудиментарные интеллигентские читательские установки». Налицо печальное явление *дисфункции чтения*.

Общедоступные библиотеки остаются, подобно школам и церквам, привычной приметой российского социально-культурного пейзажа, но боюсь, что не все налогоплательщики встревожатся, если вместо филиала ЦБС на их улице появится частное интернет-кафе. Что греха таить: сокращение числа общедоступных библиотек, уменьшение числа читателей, омертвление фондов, депопуляция и старение библиотечной профессии — все это тревожные симптомы разрушения библиотечного социального института. Если русские люди перестанут читать книги, зачем содержать библиотеки? Ясно, что активным и творческим библиотечным новаторам, патриотам своего дела, нужно постараться как-то изменить ситуацию, найти *панацею*, то есть, по словам В.И. Даля, «снадобье от всех болезней, зелье долголетия, чего искали алхимики».

Действительно, библиотечные алхимики, энергичные и талантливые люди, нашли не одно, а даже два многообещающих снадобья для реанимации библиотек. Правда, снадобья эти не бесплатные, и плата за них одна: *разбиблиотечивание* (простите неизящный неологизм). Что понимается под «разбиблиотечиванием»? Этот неблагозвучный термин означает такое преобразование библиотеки, когда она утрачивает свои сущностные, необходимые и обязательные качества. Интеллигент-просветитель Ф.Ф. Павленков в своем «Энциклопедическом словаре» (1905) лаконично объяснял: **«Библиотека** — более или менее значительное собрание книг; место, откуда отпускают на определенных условиях книги для чтения на месте или на дом». В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1907) сказано: **«Библиотеки** — значительные собрания книг по различным отделам знания и литературы» — и далее перечислены названия славнейших библиотек, от Александрийской — до библиотеки Петербургской духовной академии. Следовательно, библиотеке необходимо присущи, по крайней мере, два существенных признака: книжный фонд и читатели библиотечных книг. Это главные признаки: без книг и читателей

¹ Homo legens. Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929—1995). — М., 1999. — С. 49—55.

² Читающий мир и мир чтения: сборник статей. — М.: Изд-во «Рудомино», 2003. — 190 с.

библиотекари перестают быть библиотекарями, а пустующие книгохранилища и читальные залы библиотечными пространствами назвать нельзя. Разбиблиотечивание означает «избавление от книг и читателей». **Существуют два пути разбиблиотечивания: технократическая информатизация и бескнижная инкультурация.** Рассмотрим эти пути.

Для того чтобы библиотеки лучше выполняли свои функции, их учредители, как правило, заботятся об их компьютеризации и поощряют приобщение к информационным технологиям. Ссылаясь на глобальные телекоммуникационные сети, пророки грядущего информационного общества провозглашают: «Раз появился Интернет, в библиотеках толку нет». Отставание в области информационных технологий объявляется угрозой национальной безопасности. Появляется Указ Президента Российской Федерации «О совершенствовании деятельности в области информатизации органов государственной власти» (1994), вслед за ним — Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» (1995), создается Координационный совет по информатизации, который в том же 1995 году принял фундаментальную «Концепцию формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов». Одной из первых международных акций Президента В.В. Путина было подписание в Окинаве «Хартии глобального информационного общества» (2000), затем Россия участвовала во Всемирных саммитах по вопросам информационного общества (2003. Женева; 2005. Тунис). В 2008 году Совет Безопасности Российской Федерации принял «Стратегию развития информационного общества в России» на период до 2015 года, которая исходит из тезиса: «информационное общество — новый этап развития человечества». В последнем документе не забыты библиотеки, относительно которых сказано, что «доля

электронных каталогов от общего объема каталогов фондов библиотек должна быть не менее 30%». Заключение звучит многообещающе: «Достижение определенных Стратегией контрольных показателей развития информационного общества позволит России войти в число стран, лидирующих в области постиндустриального развития, а также существенно укрепить её информационную безопасность». Можно подумать, что Россия пока еще не вошла «в число стран, лидирующих в области постиндустриального развития», главным образом, по причине недостаточного доступа населения к сети Интернет, слабого использования информационно-коммуникационных технологий учителями и врачами, медленных темпов информатизации библиотек, музеев и архивов.

Президентская библиотека в Санкт-Петербурге, несомненно, хорошо вписывается в стратегические планы построения информационного общества. В статье С.М. Мамаевой³ показан научно-фантастический образ Библиотеки — «национального информационного портала, интегрированного в глобальное информационное пространство» и её филиалов во всех регионах России. Интеллектуалов-технократов, занятых информатизацией библиотек, волнуют информационно-технологические, а не социально-культурные проблемы. Они пребывают в уверенности, что, если оцифровать библиотечные фонды, внедрить электронные каталоги и установить скоростную телекоммуникационную связь между библиотеками, то будет гарантирован расцвет библиотечного дела и упрочена национальная безопасность. Они ошибаются в том отношении, что расцвета библиотечного дела быть не может, ибо не останется самих библиотек. Легко предвидеть, что последовательная и системная информатизация библиотеки приведет к превращению её в *информаторий*, где книги будут исполнять роль музейных экспонатов, где будет господствовать безбумажная, а не книжная коммуникация. Другими словами, произойдет разбиблиотечивание библиотеки, и библиотекари превратятся в менеджеров информационных центров, аналитиков-синтезаторов информационных ресурсов, навигаторов в глобальных информационных сетях, в лучшем случае, в инструкторов по освоению информационной культуры, но никак не в интеллигентов-книжников. Надо признать, что многих библиотечных работников, особенно молодежь, такая перспектива не пугает, а привлекает.

Второй путь разбиблиотечивания — путь инкультурации, который вытекает из гуманисти-

³ Мамаева С.М. Президентская библиотека. Филиалы в регионах: реалии и мифы // Библиотечное дело. 2009. № 7. С. 27—32.

ческой интерпретации библиотечной миссии. Напомню, что в культурологии под *инкультурацией* понимается «процесс приобщения индивида (социальной группы) к культуре, усвоение существующих ценностей, привычек, норм и паттернов поведения, свойственных данной культуре»⁴.

Действительно, во многих публичных, детских и юношеских, школьных и вузовских библиотеках самоотверженно и творчески выполняют социально-культурную миссию библиотекари-подвижники. Нетрудно привести конкретные примеры библиотечных работников, которые берут на себя заботу о наименее защищенных группах населения, стараются утешить, развлечь, ободрить читателей задушевной беседой, литературно-музыкальным вечером, встречей с интересными людьми. Известно много образцов «бескнижной» библиотечной активности, когда сотрудники общедоступных библиотек используют формы и методы, заимствованные у клубов, музеев, театров, телевидения, практикуют фестивали, конкурсы, поэтические турниры и т.п.

Уверенность в том, что для развития гуманистической миссии библиотек в условиях информационного общества нужно использовать не только библиотечные, но и музейные, телекоммуникационные, рекламные, художественно-эстетические, информационно-технические технологии и средства, громко прозвучала на всероссийском семинаре «Публичная библиотека и культурное наследие» (Москва, март 2005). Семинар прошел под лозунгом «Трансформация функций публичной библиотеки в интересах устойчивого развития общества»⁵.

«Трансформация функций» есть не что иное, как преобразование книжной сущности публичной библиотеки в сущность информационно-

культурного комплекса. Легко вообразить, как Ея Величество Книга в дворцовых интерьерах этого комплекса будет играть роль английской королевы, которая царствует, но не управляет. Ведь удовлетворять информационные потребности и потребности пользователей в общении можно без обращения к книжному фонду. Значит, происходит *коммуникационная мутация*: библиотека, бывшая ранее «собранием книг», превращается в информационно-коммуникативный центр, где на первом плане находятся электронная коммуникация и устная коммуникация, а документально-книжная коммуникация вытеснена на периферию.

На первый взгляд кажется, что инкультурация посетителей библиотеки, какие бы книжные или бескнижные средства ради этого ни практиковались, всегда является желательной, поскольку представляет собой реализацию гуманистической миссии библиотечного дела. На самом деле этот вопрос не решается однозначно. Все зависит от типа культуры, являющейся содержанием процесса инкультурации. Если происходит популяризация пошлых и безнравственных образцов массовой культуры, то подобную активность положительно оценить нельзя. Если же происходит приобщение к этическим и эстетическим ценностям классического уровня, если развиваются творческие способности и расширяется мировоззренческий кругозор участников общения, то можно заплатить за это высокую цену разбиблиотечивания. Главная трудность в бескнижной инкультурации мне видится в неготовности профессиональных библиотечных работников осуществить её на хорошем психолого-педагогическом уровне. Здесь мало одной общительности и обаяния, требуются эрудиция, режиссерские и актерские качества, которые далеки от библиотечно-библиографических профиограмм.

⁴ Теория культуры: учеб. пособие / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. — СПб., 2008. — С. 573.

⁵ Публичная библиотека и культурное наследие: моногр. сборник. — М., 2008. — С. 7.

Культурно-коммуникационная мутация библиотек, несомненно, подсказана и востребована образом жизни постсоветского общества. Как к этому относятся ученые библиотековеды? Весьма одобрительно! Библиотечный культуролог Т.Б. Маркова, раскрывая «функциональное предназначение библиотеки», пришла к выводу, что «библиотека современного города имеет шанс сохранить себя как культурный центр, если попытается восполнить дефицит общения. Речь идет об общении «лицом к лицу», о личном контакте, который развивает воображение и интуицию, вызывает способность к переживанию и сочувствию»⁶. Е.Ю. Гениева в своем докторском исследовании, посвященном проблеме межкультурной коммуникации, показала важность диалогических практик для развития плюралистического видения и толерантного мышления у пользователей публичных библиотек⁷. Оригинальную идею о *двойственности библиотечного обслуживания* выдвинул библиотековед-политолог С.А. Басов. Суть двойственности обусловлена тем, что библиотечное обслуживание включает в себя два основных вида деятельности: документально-сервисную (выдача запрошенных читателем документов) и социально-коммуникативную (организация межличностного и группового общения). Эти два вида деятельности противоречивы: время документного обслуживания — от получения запроса до выдачи документа — должно стремиться к нулю, а время коммуникативного общения должно стремиться к бесконечности, ибо «только коммуникативная деятельность превращает человека в полноценную личность». Противоречивую двойственность С.А. Басов трактует как *аксиому библиотечного дела*, как *отраслевой закон*, «нарушение которого с неизбежностью ведет к ут-

⁶ Маркова Т.Б. Библиотека в истории культуры. — СПб., 2008. — С. 11.

⁷ Гениева Е.Ю. Библиотека как центр межкультурной коммуникации. — М.: РОССПЭН, 2005. — 208 с.

рате (изменению) сущности социального института, именуемого Библиотекой. Как только из библиотеки уходит живое общение как «носитель» образования и культуры, она превращается (в лучшем случае) в информационный орган, а «изъятие» из библиотеки документа (доступа читателя к документу) — превращает библиотеку в клуб или еще во что-то иное»⁸.

Приятно отметить, что, как показали опросы уральских библиотекарей-практиков, они солидарны с библиотековедами и призывают к развитию в библиотеках всех типов *коммуникативной функции*, которая по существу совпадает с функцией инкультурации. Вот как разумные библиотекари понимают коммуникативную функцию: многие читатели (особенно младшего и пожилого возраста) зачастую приходят не только за книгами, информацией, но и за общением, как с библиотекарем, так и между собой. Отсюда востребованность различных кружков по интересам, организуемых в библиотеках. «Информация сейчас очень доступна, — рассуждает один из респондентов, — ее очень легко получить из Интернета, многие дома уже имеют компьютер с выходом в Интернет, и нет необходимости идти в библиотеку. А вот чего сейчас не хватает — это обсуждения, именно общения на базе полученной информации». «Человек все-таки существо общественное, — вторит другой респондент, — и непосредственное живое общение, встречи, обсуждения нужны человеку». Выяснилось, что библиотекари различных библиотек пытаются наладить диалог с читателями, но мешает успешной реализации коммуникативной функции, по их чистосердечному признанию, недостаток психолого-педагогических навыков.

Заглядывая в будущее, библиотечные футурологи предсказывают превращение научно-технических и вузовских библиотек в полноцен-

⁸ Басов С.А. Библиотека и демократия. Первое вступление в проблему. — СПб., 2006. — С. 42.

ные информационные службы, а публичные библиотеки станут музейно-краеведческими центрами общения, клубными учреждениями, где коммуникативная функция делается основной. Для этого — советуют они — «библиотека должна расширить диапазон своих услуг: предоставлять посетителям возможность не только получить книгу или информацию, но и поучаствовать в каких-то культурных мероприятиях (вплоть до музыкальных концертов), пообщаться с интересными людьми, получить консультацию по любым вопросам, научиться чему-то и т.д. (в передовых библиотеках это происходит уже сейчас)». Конечно, прогрессивно мыслящие библиотекари далеки от технократического нигилизма. Они уверены, что отечественная культура не пострадает, а только выиграет, поскольку библиотеки-клубы планируют развивать свою гуманистическую миссию в условиях информационного общества,

Впрочем, не будем сгущать краски. Форпостами книжности остаются два типа библиотек — крупнейшие национальные книгохранилища и региональные УНБ, с одной стороны, и многочисленные (60 тысяч!), но карликовые школьные библиотеки, с другой стороны. Крупнейшим библиотекам, несмотря на хронический дефицит площадей, квалифицированных молодых кадров и финансового обеспечения, нет необходимости изменять свой естественный имидж, ибо они имеют гарантированный спрос на их библиотечно-библиографические услуги. Школьные библиотекари, честно говоря, не прочь модернизироваться (не хочу сказать «разбиблиотечиться»), они мечтают обзавестись мультимедийной техникой (кое-где даже преуспели в этом), но вынуждены по старинной привычке школьных педагогов полагаться, главным

образом, на собственную выдумку и преданность библиотечному делу. Школьные библиотеки, несомненно, необходимы своим читателям; жаль, что не все директора школ это уразумели. Но все-таки и крупные, и мелкие «форпосты книжности» подвержены и технократическим, и коммуникативным тенденциям разбиблиотечивания.

Очевидно, что библиотеки в классическом их воплощении, то есть как «более или менее значительное собрание книг; место, откуда отпускают на определенных условиях книги для чтения на месте или на дом» (Ф.Ф. Павленков), сохранятся в двадцать первом столетии, если они будут нужны обществу не как информатории и не как учреждения клубного типа, а как «неразбиблиотеченные библиотеки». Это возможно только в том случае, если библиотеки возьмут на себя выполнение крайне важной для общества миссии, которую никакие другие социальные институты выполнить не в состоянии. В чем заключается эта миссия?

Позвольте предложить гипотетическую миссию российской библиотеки двадцать первого века.

Если исходить из государственных стратегических наметок, то библиотекам следует считать главной информационную функцию и видеть свою миссию в удовлетворении информационных потребностей россиян на основе информационных порталов Президентской библиотеки и других информационных ресурсов. Этот путь ведет к технократической мутации, завершающейся преобразованием библиотеки в информаторий. При этом российский духовный кризис не разрешается, а, скорее, усугубляется, потому что оцифрованные библиотечные фонды — это суррогат национального культурного наследия, воплощенного в Книге.

Очень привлекателен гуманистический пафос инкультурации, отдающей приоритет непринужденному человеческому общению, не опосредованному техническими средствами. Напршивается соблазнительное решение: признать коммуникативную функцию миссией библиотек двадцать первого века. Соблазнительность этого решения в том, что оно противостоит тенденции атомизации общества, укрепляет солидарность и сотрудничество между людьми, очень важные в условиях рыночной экономики и общества потребления. Существенный довод в пользу коммуникативной миссии библиотек состоит в том, что мутация библиотек в этом направлении происходит стихийно, естественным путем, явочным порядком, благодаря творческим усилиям библиотекарей-

новаторов. Стихийный процесс, востребованный обществом, остановить нельзя, но есть ли гарантия, что его развитие не приведет к превращению публичных библиотек в клубы? Если клуб — это место общения живых современников, среди которых много званных, да мало избранных, то библиотека — место общения с избранными мудрецами прошлых веков. Нужна ли их мудрость нынешнему поколению россиян?

Очень нужна! Наша современница Н.В. Мотрошилова, разрабатывая философскую теорию цивилизации, не без горечи заметила: «Ни в одной из европейских стран, где мне довелось побывать, я не сталкивалась со столь варварским поведением людей в отношении своей страны, своего народа и даже самих себя, своих близких, которое по типу и последствиям равносильно поведению самоубийц, отце- и детоубийц⁹». В качестве примеров она называет лесные пожары, отравление водоемов промышленными и бытовыми отходами, загаживание среды обитания. Озабоченный философ констатирует отсутствие заявленной государством или политическими партиями «программы преодоления хотя бы самых нетерпимых форм и проявлений цивилизационной отсталости России, прежде всего форм и проявлений одичания, прямого варварства». В связи с этим она обосновывает тезис «самоцивилизация российского народа как историческая задача» и заявляет, что цивилизация России возможно, если наиболее активные слои населения проявят то, что правомерно назвать «волей к самоцивилизации», то есть ведущей к конкретным действиям решимостью изменить сложившееся состояние дел» (с. 257—264).

Мне кажется, что инициативно практикуемая нашими библиотеками деятельность по инкультурации населения есть проявление той «воли к самоцивилизации», о которой тоскует Неля Васильевна. Но «самоцивилизация» не может ограничиваться только общением интеллигентных людей «лицом к лицу». Нужно, чтобы их собеседниками стали Сократ и Декарт, светочи золотого и серебряного века русской культуры, герои и мученики науки и совести, голос которых слышен только в мире книг. Для этого библиотекам нужно возродить опошленную и незаслуженно забытую ценностно-ориентационную функцию, функцию содействия «самоцивилизации» русских людей. В этом, на мой взгляд, и может состоять искомая *социально-культурная миссия* библиотек в XXI веке.

Добавлю еще один аргумент от культурфутурологии.

⁹ Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. — М., 2007. — С. 126.

XXI век — век особый, потому что он может стать последним в истории человечества. Главными угрозами являются техногенный экологический кризис и безумный фанатизм террористов. Единственная надежда — *антропологическая революция*, появление поколения творческих и бескорыстных альтруистов, готовых посвятить свой талант и энергию спасению жизни на Земле. Люди этого типа — это не интеллектуалы-предприниматели, эгоистически озабоченные личным благополучием, а интеллигенты-гуманисты, по своему психологическому типу подобные декабристам, народникам, советским диссидентам. Подобны — да, но не идентичны прошлым поколениям русской интеллигенции. Интеллигенты XXI века должны быть мудрее и удачливее своих предшественников. Я назову их *постинтеллигентами*. У них не будет права на ошибку, и поэтому они должны аккумулировать знания, опыт и мудрость, добытые самоубийственным homo sapiens в течение тысячелетий.

Постинтеллигентов никто не будет целенаправленно воспитывать, им придется самоформироваться и самообучаться. Без обращения к библиотечным фондам не обойтись, следовательно, поколение постинтеллигентов должно стать поколением носителей книжной культуры, поколением книжников и библиофилов. В служении постинтеллигенции заключается социально-культурная миссия российских библиотек. Поэтому, если кто-нибудь спросит меня: «Кому нужны библиотеки в двадцать первом веке?», — я отвечу, не стесняясь великих слов: России!